

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права

В.Е. ЮЖАНИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы

В статье обосновывается необходимость более широкого использования в уголовно-исполнительном праве понятия «общественная опасность личности осужденного» и его отграничения от универсальной категории уголовного права «общественная опасность преступления». Потребность в реализации данного подхода автор связывает с вопросами активного внедрения и развития в уголовно-исполнительном законодательстве и практике его применения средств ресоциализации, расширения предмета уголовно-исполнительного права, совершенствования системы обеспечения безопасности в исправительном учреждении и другими важными аспектами исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; личность осужденного; уголовно-исполнительное право; средства ресоциализации.

Public danger convicted person as a category Penitentiary Law

V.YE. YUZHANIN – Professor of the Department of Penitentiary Law of the Academy of Law and Management of the Penal Service of Russia, Dcs. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School

The article substantiates the necessity of wider using the concept of “public danger of the convict personality” in penal law, its delimitation from the universal category of criminal law as a “social danger of a crime.” The author associates the use of the broad and independent category a “public danger of the convict personality” with the matters of implementation and development activities in the criminal - executive legislation and its practical application means resocialization extension subject to criminal - executive law, a separate examination and improvement of security in the prison and other important issues of execution of criminal penalties.

Key words: social danger of the crime; convicts; penal law; the means of resocialization.

В теории уголовного права под влиянием классической школы сформировалось представление о том, что объектом воздействия всей его системы является общественная опасность преступления. Идея эта нашла реальное воплощение в нормах уголовного закона: названная категория, по сути, служит основанием уголовной ответственности (ст. 8); определяет категории преступлений (ст. 15); служит одним из общих начал назначения наказания (ч. 3 ст. 60); является основным критерием раз-

деления исправительных колоний на виды (ст. 58); обуславливает определение сроков, по истечении которых осужденный может быть освобожден условно-досрочно (ст. 79) или по другим основаниям (ст. 80, 80-1 и др.).

Таким образом, следует сделать вывод, что общественная опасность преступлений выступает универсальной категорией уголовного права, которая служит основанием криминализации деяний, привлечения виновного к уголовной ответственности, категоризации преступлений, критерием

индивидуализации наказания, основанием освобождения от него и т.д.

Но главное, что мы хотим подчеркнуть, – это связь общественной опасности с поведением человека, которое ее порождает. Не поведение определяется человеком, а наоборот, человек определяется поведением. В науке уголовного права принято считать, что общественная опасность личности преступника определяется общественной опасностью преступления. В основе этого подхода лежит юридическая догма, характерная для классической школы уголовного права. В общественном деянии как бы заложен гарант недопущения его произвольного толкования.

Общественная опасность преступлений, а не личности осужденного также служит основой для определения многих норм и институтов уголовно-исполнительного права, например направления осужденного для отбывания наказания за пределы территории субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 73 УИК РФ); установления во время отбывания наказания оперативного и профилактического контроля за поведением осужденного (инструкция о надзоре за осужденными), предоставления выезда осужденным за пределы исправительного учреждения (ч. 6 ст. 97 УИК РФ), передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения (ч. 2 ст. 96 УИК РФ) и др.

Особое внимание нам хотелось бы обратить на предупредительные меры (охрана, надзор, проведение обысков и пр.), которые применяются к осужденным в связи с тем, что они совершили преступления определенного характера и степени общественной опасности. Осужденные относятся к криминальному типу личности в связи с этими преступлениями, и предупредительные меры в отношении их как бы презюмируются независимо от проявлений личности в период отбывания наказания и направленности посткриминального поведения.

Очевидно, что действующая система криминального права ставит в зависимость причину (личность человека) от явления (поступок, преступление). Но ведь понятно, что должно быть все наоборот, если «находиться в добром согласии с такими науками, как логика, философия и психология»¹, которые исходным началом любого поведения считают конкретного человека (личность). На этом положении базируется основная концепция социологического направления в уголовном праве, которое отдает приоритет симптому общественной опасности пре-

ступника, а не преступлению, которое он совершил. Преступление рассматривается как показатель опасности лица, о которой свидетельствует множество иных факторов: связь с преступной средой, образ жизни, характер психики и т.д.

Идеи социологического направления проникли в законодательство зарубежных стран в большей мере, чем в российское. Так, например, в США, Англии, ФРГ и других странах получила законодательное развитие мысль о необходимости превентивного заключения для привычных преступников; приоритетным критерием определения видов режима исправительных учреждений является уровень опасности осужденных, выявляемый в результате подробного изучения их личностей в распределительных тюрьмах (диагностических центрах); в процессе отбывания наказания осужденные проходят перекаатегоризацию с учетом установленных критериев опасности личности и т.п.

Надо заметить, что уголовно-исполнительное право не всегда использует категорию «общественная опасность преступления» при формировании своих институтов и норм. Так, например, изменение вида режима исправительного учреждения в лучшую сторону допускается в отношении положительно характеризующихся осужденных (ч. 2 ст. 78 УИК РФ), а в худшую сторону – применительно к злостным нарушителям порядка отбывания наказания (ч. 4 ст. 78 УИК РФ), административный надзор также может быть установлен в отношении злостных нарушителей режима (ч. 2 ст. 173¹ УИК РФ). Причем во всех случаях осужденный оценивается не только на основе поведения, но и с учетом особенностей личности, проявившихся во время отбывания наказания.

Как нам представляется, явно обозначилось одно из перспективных направлений развития УИС. Личность осужденного – это, прежде всего, категория криминологии, педагогики и социологии. Именно с позиций данных наук он должен рассматриваться в разных аспектах. В этом плане уголовно-правовая и пенитенциарная характеристики личности ограничены, так как не предполагают исследования социально-психологических причин совершения преступления, связей осужденного, криминогенной микросреды обитания, условий адаптации после освобождения и т.д. Напомню, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. поставила задачи: осуществить раздельное

содержание осужденных с учетом не только тяжести совершенных преступлений, но и криминологической характеристики, криминального опыта, усвоения и распространения элементов поведения криминальной среды; создать нормальные социально-психологические условия для саморегуляции законопослушного поведения осужденных, способных к ресоциализации; изменить идеологию применения основных средств исправления осужденных с усилением роли психолого-педагогической и социальной работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе. Все это требует научного обоснования и последующего закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве. Например, в концепции уже предложено на уровне уголовно-исполнительного законодательства признать социальную и психологическую работу средствами исправления.

Воздействие норм уголовного права на сферу исполнения наказания ограничено. Оно охватывает лишь сферы назначения наказания, действия самого наказания и постановки целей наказания. Общественная опасность преступления служит главным критерием справедливого назначения наказания. А вот как оно должно быть реализовано, относится уже к ведению уголовно-исполнительно права, которое имеет возможность в большей мере использовать категорию «общественная опасность личности осужденного». С позиций реализации норм уголовно-исполнительного права решающее значение приобретает не императивный метод, который исходит от уголовного права, а убеждение, стимулирование правопослушного поведения, создание благоприятных микросоциальных условий отбывания наказания, предупреждение правонарушений, подготовка к освобождению и социальной адаптации, диспозитивный метод и т.п. Все названные методы связаны с воздействием на личность осужденного.

Уголовно-исполнительное право как самостоятельная отрасль, выстраивая процесс исполнения наказания с опорой на личные качества осужденного, должно в большей мере быть связано с криминологией. Такая связь объясняется и ведущей направленностью наказания на предупреждение преступлений. С позиции криминологии процесс исправления преступника может рассматриваться в качестве процесса ресоциализации, который основан на понимании преступления как общественно опасного деяния, совершенного конкретной

личностью. Этот процесс осуществляется в отношении личности осужденного в криминологическом значении (исследование ее взаимосвязей со средой, субъективные и объективные причины поведения, условия адаптации в группах осужденных, после освобождения и пр.).

Такой подход позволяет по-другому взглянуть на многие аспекты исполнения наказания, пересмотреть уже устоявшиеся представления. Например, процесс исполнения наказания соединяется не с исправительным, а с некарательным воздействием, основу которого составляют не только средства исправления, но и средства предупреждения правонарушений, меры по оказанию помощи осужденным, например по восстановлению социально полезных связей, подготовке к освобождению, обеспечение надлежащих микросоциальных условий содержания и т.д. Классификация осужденных и их распределение по исправительным учреждениям могут быть осуществлены с учетом не только уголовно-правовых и уголовно-исполнительных критериев, но и криминологических, психолого-педагогических и пр. При решении вопроса о досрочном освобождении можно использовать такие критерии, как наличие постоянных связей с семьей и другим позитивно ориентированным окружением, условия для социальной адаптации и готовность к ней (желание учиться, трудоустроиться, связь с криминальной средой и пр.). Должно измениться и назначение труда осужденных как важнейшего средства социализации личности, приобретения социально полезных навыков и профессий, способствующих реинтеграции в обществе. Может стать реальностью решение вопроса об отбывании наказания каждым осужденным в максимально возможной близости к месту жительства семьи. Это повысило бы эффективность работы местных органов власти и самоуправления по организации управления процессом социальной адаптации освобожденных от наказания.

Все изложенное приводит нас к выводу, что нужно активнее внедрять в уголовно-исполнительное законодательство и практику деятельности исправительных учреждений средства ресоциализации, создающие реальные возможности для реинтеграции осужденных в общественную жизнь. Иначе говоря, пенитенциарные меры воздействия должны выходить за пределы уголовно-правовой юридической природы, определяемой общественной опасностью преступления, а ресоциализация

преступника в уголовно-исполнительном праве должна стать основным процессом, в котором бы объединились карательные, воспитательные, криминологические и социальные начала. На практическое и теоретическое значение ресоциализации, ее самостоятельную роль и комплексный характер указывают многие ученые². В этой связи должен быть расширен предмет уголовно-исполнительного права: в нем, например, должны быть предусмотрены блоки норм, направленных на управление социальной адаптацией освобожденных от наказания, а также регламентирующих прогрессивную систему отбывания наказания в соответствии с меняющейся характеристикой осужденного и пр.

Уголовно-исполнительное право как самостоятельная отрасль права должно иметь своими основными целями ресоциализацию осужденных и предупреждение новых преступлений. Оно уже отстает в своем развитии от существующих реалий и требований времени, замкнувшись на институтах и целях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами.

В связи с вышесказанным в отдельном рассмотрении нуждается система обеспечения безопасности в исправительном учреждении. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из направлений реформирования учреждений, исполняющих лишение свободы, называется создание с соблюдением стандартов Европейских пенитенциарных правил модели тюрьмы, отвечающей требованиям безопасности общества, персонала УИС и осужденных, отбывающих наказание. Для этого предусматривается прекращение коллективного содержания контингента в ИУ, «постоянного пребывания в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных». Основным способом решения имеющейся проблемы признается «раздельное содержание осужденных к лишению свободы, способных к ресоциализации с учетом тяжести и общественной опасности совершенных ими преступлений, сведений об их личности, поведения в местах лишения свободы, отношения к совершенному преступлению, с одной стороны, и осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, прочно усвоивших и распространяющих элементы поведения криминальной среды, с другой стороны». Все это предполагается реализо-

вать через: а) камерное содержание осужденных в тюрьмах различных видов режима; б) отделение друг от друга осужденных, способных к ресоциализации (с учетом тяжести преступления), и осужденных, усвоивших элементы поведения криминальной среды (совершивших особо тяжкие преступления).

Представляется, что в концепции заложена та же схема, что и в законодательстве: от тяжести преступления зависит, является осужденный опасным или нет. Тяжестью преступлений предопределяется и многоступенчатая система видов и подвидов режима тюрем. Согласно концепции в тюрьмы с более легкими видами режима должны попадать осужденные, совершившие преступления, не являющиеся тяжкими. Но в то же время ставится такая задача, как «осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного», тогда как сами виды режима тюрем устанавливаются только с учетом тяжести преступления, его общественной опасности. Противоречивость данной схемы очевидна.

В научной печати и интернете данные идеи, заложенные в концепции, неоднократно подвергались серьезной критике. При этом большое внимание уделялось и трудностям, связанным с их реализацией, в особенности финансового и организационного характера.

Для решения обозначенной проблемы следует обратиться к концепции общественной опасности личности осужденного, а не общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Общественная опасность преступления и личности преступника уже обнаружилась в совершенном деянии. Общественная опасность личности осужденного проявляется в другом: склонности к побегу, притеснениях других осужденных, передаче криминального опыта, нарушениях режима и т.д. Например, от каждого осужденного за кражу не следует ожидать совершения новой кражи в ИУ, или притеснения других осужденных, или побега. То же самое можно заметить и применительно к осужденным за убийство, мошенничество и т.д. Известно, что осужденные за убийство ведут себя в ИУ куда лучше, чем, например, осужденные за хулиганство, грабежи и разбои. Поэтому вид и тяжесть преступления отнюдь не являются наилучшими показателями общественной опасности осужденного.

При исполнении наказания личность осужденного должна подвергаться иссле-

дованию на предмет определения ее опасности для УИС. Лучше осуществлять это на первоначальном этапе отбывания наказания, который, по нашему мнению, длится с момента вступления приговора суда в законную силу и до окончания периода содержания осужденного в обычных условиях отбывания наказания в ИУ. При этом осужденный обязательно должен пройти через адаптационный отряд. Пребывание в адаптационном отряде и обычных условиях отбывания наказания должно быть связано с изучением специалистами личности осужденного, составлением программы ресоциализации, отнесением его к определенной классификационной группе. Затем должен следовать перевод одних осужденных в облегченные условия отбывания наказания, а других (отрицательно настроенных, опасных для УИС) в отдельные тюрьмы или единые помещения камерного типа. Подобное размещение в ИУ является исходным условием для саморегуляции поведения законопослушных осужденных и блокирования влияния на их среду криминальных авторитетов, отрицательно настроенных лиц.

Решение задачи обеспечения безопасности осужденных, персонала и иных граждан, поставленной в законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», должно достигаться не только за счет реализации права осужденных на личную безопасность путем перевода в безопасное место (ст. 13 УИК РФ), но и в целом за счет определения полноценной системы мер, которая бы обеспечивала безопасность всех лиц, находящихся в ИУ. Нельзя ставить безопасность ИУ в зависимость от того, обратится осужденный с заявлением, содержащим просьбу обеспечить его безопасность, или нет, проявит ли инициативу в этом начальник учреждения. Система безопасности должна быть отлажена так, чтобы по прибытии осужденного в ИУ после изучения он был отнесен к определенной классификационной группе по

критерию опасности личности. Для этого потребуются не только специалисты определенного профиля, которые бы исследовали осужденного в первоначальный период его пребывания в ИУ, но и налаженная система сбора, накопления, систематизации информации о личности правонарушителя и передачи ее от следователя и администрации СИЗО в ИУ.

Самое же главное заключается в том, что должны быть определены безопасные места для содержания осужденных, относящихся к предкриминальной категории. Для этого, на наш взгляд, и следует создавать учреждения по типу тюрем. Камерное содержание в них способно обеспечить надежную изоляцию осужденных (и по степени их опасности, и по видам режима колоний). Подобную функцию могли бы выполнять единые помещения камерного типа (ЕПКТ), которые уже сейчас предусмотрены УИК РФ. Тогда отпадет необходимость повсеместно строить тюрьмы, затрачивая на это огромные бюджетные средства.

В настоящее время ЕПКТ конкурируют с ПКТ. Разница между соответствующими мерами дисциплинарного взыскания заключается в сроках содержания: в ЕПКТ – до 1 года, в ПКТ – до 6 месяцев. Мы предлагаем сохранить перевод в ПКТ в качестве меры взыскания, а для перевода в ЕПКТ определить иное назначение – мера безопасности.

Таким образом, в тюрьмах (ЕПКТ) будут содержаться только осужденные, склонные к совершению преступлений, лица, притесняющие других осужденных, вынашивающие преступные идеи (так называемые авторитеты преступного мира), террористы и тому подобные категории лиц, и окончательное решение о переводе в эти учреждения будет приниматься судом. Все остальные осужденные станут отбывать наказание или в исправительных колониях, или в исправительных колониях-поселениях. Только так можно обеспечить раздельное содержание с учетом криминологической характеристики осужденного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16.

² См., напр.: Зубкова В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 22. С. 27.

¹ Gontar' I. Kategorija «obshhestvennaja opasnost'» v ugodnom prave: ontologicheskij aspekt // Ugodnoe pravo. 2007. № 1. S. 16.

² Sm., napr.: Zubkova V.I. Ispolnenie lishenija svobody v celjah resocializacii osuzhdennyh: problemy i perspektivy razvitija // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 22. S. 27.